

«... Лгали им на каждом слове»: ложь в системе коммуникации русских крестьян и помещиков в конце XVIII — начале XX вв.

В.А. Шаповалов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, Россия

E-mail: shapovalov@bsu.edu.ru

И.В. Истомина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, Россия

E-mail: istomina_iv@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается коммуникативный феномен лжи в контексте манипулятивного общения крестьян с помещиками как в дореформенный, так и в пореформенный периоды. Показаны причины повсеместного использования лжи крестьянами, начиная от желания что-либо получить обманным путем у бар, заканчивая уклонением от работ на барщине или некачественного их выполнения. В рамках манипулятивного общения ложь являлась удобным инструментом, так как не всегда была возможность быстро проверить ложную информацию или вообще её разоблачить. Ложь также являлась «оружием слабых», когда за рамками притворства и лицемерия скрывалось реальное сопротивление (ложь, слухи, сплетни, навешивание ярлыков и т.п.).

Ключевые слова: ложь, вранье, крестьяне, помещики, манипулятивное общение.

Copyright: © 2023 Шаповалов В.А., Истомина И.В. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на её автора и оригинальную публикацию.

"... They lied to them at every word": lie in the communication system of Russian peasants and landlords in the late 18th — early 20th centuries

Vladimir A. Shapovalov

Belgorod National Research University
14 Studencheskaya st. Belgorod, 308007, Russia
E-mail: shapovalov@bsu.edu.ru

Irina V. Istomina

Belgorod National Research University
14 Studencheskaya st. Belgorod, 308007, Russia
E-mail: istomina_iv@bsu.edu.ru

Abstract. The article deals with the lie as communicative phenomenon in the context of manipulative communication between peasants and landowners both in the pre-reform and post-reform periods. The authors highlight the reasons for the widespread use of lies by peasants, ranging from the desire to get something fraudulently from the landlords and ending with the evasion of corvée work or their poor-quality performance. Within the framework of manipulative communication, a lie was a convenient tool, since it was not always possible to quickly verify false information or expose it at all. Lies were also a “weapon of the weak”, when real resistance was hidden behind pretense and hypocrisy (rumors, gossip, labeling, etc.).

Keywords: lies, peasants, landlords, manipulative communication.

Введение

Ложь как специфическое коммуникативное явление сопровождает человечество на протяжении всей истории. Она, по сути, в той или иной мере, неотъемлемая часть наших повседневных межличностных отношений. Хотя принято считать, с определенными оговорками, ложь у всех народов грехом или аморальным проступком. Под термином ложь социальные психологи, в контексте манипулятивного общения, понимают феномен общения, состоящий в намеренном искажении действительного положения вещей. Ложь есть умышленно ложное утверждение, которое предназначено для того, чтобы обмануть другого, или предполагает вероятность обмана другого¹. В России конца XVIII – первых десятилетий XIX вв. ложь трактовалась, фактически, в

¹ Ильин 2017, 136.

том же дискурсе. Так, в известном «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля понятие ложь даётся через определение смысловой сущности глагола «лгать». Лгать, врать, говорить или писать ложь, неправду истине². Но эти определения не отражают весь спектр представлений о лжи в прошлом и настоящем. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова определение лжи, как намеренное искажение истины, неправда, обман, дополняется дефинициями «ложь во спасение и святая ложь», то есть она, оправданная необходимостью, с благой целью³. Именно все эти аксиологические нюансы и будут рассмотрены в предлагаемой статье через призму повседневной коммуникации крестьян и помещиков России.

Предмет и методология исследования

Предметом исследования является ложь как коммуникативный феномен в системе взаимоотношений помещиков и крестьян в дореформенной и пореформенной России.

При написании статьи были использованы следующие методы исследования: сравнительно-исторический, когда проводились необходимые сравнения различных исторических концепций с целью выявления их особенностей и общих черт; историко-генетический, в ходе которого происходит анализ причинно-следственных связей изучаемой реальности в процессе её исторического движения, а также историко-системный, нарративный и историко-типологический.

Результаты и их обсуждение

Русский публицист, общественный деятель 40-70-х гг. XIX в. А.И. Кошелев в полемической статье «В чем мы все более нуждаемся?» (1871) одновременно утверждает и задается вопросом: «Итак, недостаток правды в нашем быту вообще не подлежит никакому сомнению; но от чего это происходит?»⁴. Здесь утверждение о широком распространении лжи среди русского народа и дается, с точки зрения автора, ответ на причину данного явления: «... даже под ложью, которую более или менее прикрыты слова и дела русских, нельзя не видеть, что они к ней прибегают только по необходимости, как будто по долгу службы. Они видимо ею тяготеют и решаются идти кривою, а не прямою дорогою только по тому, что не верят в возможность последнею теперь и здесь достигнуть цели»⁵. А.И. Кошелев весьма точно подмечает, что ложь, во многом, является социальным продуктом тяжелых жизненных обстоятельств, требующих их изменений. При этом, он называет основную причину распространенности лжи как коммуникативного фе-

² Даль 1998, Т. 2, 241.

³ Ожегов 1990, 331.

⁴ Кошелев 1871, 158.

⁵ Там же.

номена в русской частновладельческой деревне: «... крепостная зависимость, тяготевшая, в продолжении многих веков, на русском народе, проникающая во все проявления и отправления его жизни и еще далеко не вполне у нас отмененная. Владение одних людей другими было злом не частным, касавшимся одного или двух состояний и только в известных каких-либо отношениях портившим их нравственность»⁶.

С этим доводом трудно не согласиться. Вековой традиционализм крепостничества, когда помещики не представляли себе другого образа жизни, владея крепостными крестьянами и получая от них все необходимое для проживания в собственное удовольствие, особо не прикладывая каких-либо усилий в этом направлении. Крестьяне, тоже, не представляли себе другой жизни, ведь так жили их отцы и деды, но и они искали определенные выгоды в этих тяжелых жизненных обстоятельствах⁷. Ложь, вранье и воровство становились неотъемлемой частью крестьянской повседневности в барском имении. Это были инструменты для получения определенных выгод материального и морального планов.

А.И. Розанов, писавший под псевдонимом «Сельский священник», будучи священником в с. Екатериновка (1848-1849), протоиереем (1880) в с. Мариинская колония (1849-1895) Саратовской губернии прекрасно знал все жизненные нюансы системы взаимоотношений бар и крестьян. В частности, он подчеркивает: «Господа и рабы, эти две диаметрально противоположные силы, могли уживаться вместе только при самых сильных, связующих их узах. Право повелевать рабами за дворянами утверждено было законом; право это было за ними века... Они были убеждены, поэтому, что они вольны располагать судьбой раба по своему произволу...

Крестьяне же, напротив, самых строгих помещиков, несмотря ни на какие самые жесткие наказания агали им на каждом слове; тащили их добро, при первой к тому возможности; считали господ своими притеснителями, тиранами; работали только из-под палки...»⁸.

Здесь необходимо указать, что среди различных скрытых и открытых форм неповиновения и сопротивления крестьян первой названа систематическая (на каждом слове) ложь помещикам. Воровство барского добра названо вторым, хотя его масштабы поражали современников⁹. Ложь, по сути, стала неотъемлемой частью поведенческого кода крестьян во взаимоотношениях с помещиками. Она одновременно выполняла роль защитного механизма от вотчинной тирании и скрытого оружия для получения каких-либо выгод себе, для мщения. В сословной структуре общества выделяются различные стандартизиро-

⁶ Кошелев 1871, 158.

⁷ Крепостное право и крестьянская жизнь 1911, 9; Полякова 2011, 39–40.

⁸ [Розанов] Сельский священник 1871, Т. VIII, 491.

⁹ Хок 1993, 155, 157; Frank 1999, 58–59.

ванные типы поведения: поведение крестьянина, воина, ремесленника и т.п.¹⁰. Естественно, существовала поведенческая модель барина, но с учетом внутренней стратификации дворянского сословия. Разные типы поведения, в зависимости от принадлежности к той или иной социальной общности, имели коммуникативные отличия. В рассматриваемом сюжете также необходимо учитывать особенности крестьянского сознания, которое базировалось на специфической системе координат «свой-чужой». Чужаками считались все, кто не принадлежал к конкретному крестьянскому сообществу. В отношении их нравственные принципы часто бездействовали¹¹. Враньё при контактах с ними не рассматривалось в качестве греха.

Для дальнейшего рассмотрения поставленного вопроса следует особо подчеркнуть, что грань между словами «враньё» и «ложь» в разговорной и письменной речи практически неразличимо. Так, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова даются такие толкования обмана, вранья и лжи, которые трудно дифференцировать друг от друга. Обман – это ложной представление о чем-нибудь, заблуждение; враньё – ложь, вздор, выдумка; ложь – намеренное искажение истины, неправда¹².

Фольклорные тексты, в частности пословицы и бытовые сказки, показывают неоднозначное отношение ко лжи в крестьянской среде. Для подавляющей части крестьян, особенно в своем сообществе, ложь считалась грехом и моральным проступком. Это отчетливо подтверждают пословицы: «Бог всегда правду сыщет», «Всякая неправда грех»¹³. То есть ложь является не богоугодным проступком, грехом. Для крестьянского мировоззрения это серьезный моральный индикатор. Но в то же время, из народной среды вышли и следующие пословицы «Бедность крадет, а нужда лжет», «Не я лгу, мошна лжёт»¹⁴, в которых ложь оправдывается тяжелыми жизненными обстоятельствами, в частности, голодом. В данных обстоятельствах ложь и воровство уже не считались грехом или проступком. В пословицах: «Не нами стала неправда, не нами и кончится», «Как себя не поведешь, а от лжи не уйдешь»¹⁵ прямо указывается, что ложь существовала всегда и как не старайся, при определенных обстоятельствах, ты все равно соврешь. Другими словами ложь, как к ней не относиться, она всегда тебя сопровождает. Пословицы: «Умная ложь, лучше глупой правды», «Не всякую правду сказывай»¹⁶ недвусмысленно утверждают, что в некоторых случаях ложь может быть во благо.

¹⁰ Байбурин 1993, 6.

¹¹ Безгин 2017, 77–78.

¹² Цит. по: Ильин 2017, 140–141.

¹³ Мери-Хови 1882, 68.

¹⁴ Даль 1998, Т. 2, 241.

¹⁵ Мери-Хови 1882, 69.

¹⁶ Там же.

Нельзя отрицать, что эти пословицы могли зародиться в народной среде в ходе постоянных контактов крестьян с барями или их представителями.

В сказках, в рамках трикстериады, где трикстер – зависимый, угнетаемый, но хитрый и ловкий субъект противостоит своему антагонисту. Трикстер с помощью различных трюков, во многом основанных на обмане, добывается своего от антагониста. Анализ сказок показывает, что сами трюки строятся на следующих основных предикатах: мнимая угроза, мнимая приманка, коварный совет, подстрекательство, раздраживание, мнимая смерть, мнимое родство, мнимая слабость¹⁷. Мнимость здесь связана с обманом, хитростью трикстера, то есть, с так называемыми, замаскированными функциями. В качестве примера сказок о трикстере можно привести сказки из циклов о ловких ворах, обманных договорах: «Как мужик с баринном обедал», «Как парень у барина деньги выиграл», «Барыня и цыплатки», «Барин и Климко», «Как мужик учил осла говорить»¹⁸.

Таким образом, фольклорные тексты дают нам возможность взглянуть на ложь в народной среде с различных мировоззренческих сторон, учитывая определенные жизненные обстоятельства, представления о грехе и проступке.

Специфическое отношение ко лжи в крестьянской среде отчетливо просматривается в народной педагогике, где с детства закладывались определенные нравственные представления и практические навыки. Крупный этнограф конца XIX-начала XX вв. О.П. Семенова-Тян-Шанская в своей работе «Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний», где на примере одного рязанского села прослежены основные жизненные циклы «Ивана»¹⁹. «Иван» — это собирательный образ простого русского крестьянина. Социализации крестьянских детей в указанной работе уделено достаточно внимания. В рассматриваемом контексте примечательно описание наказаний за различные проказы и проступки: «Били его за крик, за то, что вываливается в грязи или стащит какой-нибудь кусок. За драку и ложь, за скверные слова не били. Отец бил больше за воровство, а мать за крик или порчу костюма»²⁰. На первый взгляд, это более чем странно. Ведь ложь признавалась грехом («Всякая неправда грех»). Но как было показано выше на примере народных пословиц и сказок, крестьянское сознание допускало ложь в определенных жизненных ситуациях, выводя её за рамки греха. Родители с подобными ситуациями сталкивались довольно часто («агали ... на каждом слове») и, вероятно, рассматривали ложь в качестве защитного коммуникативного механизма при отстаи-

¹⁷ Новик 1993, 139–140.

¹⁸ Русские народные сказки. Барин и мужик 1932, 69, 100–101, 120–123, 165–167, 168.

¹⁹ Семенова-Тян-Шанская 2010.

²⁰ Там же, 50.

вании своих интересов. С точки зрения взрослых такой опыт мог пригодиться и их детям. Этот опыт приходил к крестьянским детям очень рано, как только они поняли, за что их бьют. «Для того чтобы уверить родителей в своей мнимой невинности, самые маленькие клопы очень основательно божатся»²¹.

Цель лжи – ввести реципиента в заблуждение и за счет этого добиться личных или социальных преимуществ. Достичь эти преимущества при манипулятивном общении удобно тем, что ложь чаще всего находит выражение в тех речевых сообщениях, немедленная проверка содержания которых затруднена или невозможна²². То есть у солгавшего появляется надежда, а может и уверенность, на определенное время остаться не уличенным во лжи, или вообще избежать каких-либо разоблачений.

Необходимо отметить, что несмотря на всю объективность и ценность обобщений О.П. Семеновой-Тянь-Шанской, несомненно, были семьи, где за ложь наказывали.

Ложь в дискурсе коммуникативности крестьян с барями имела большой спектр, который был обусловлен целями и задачами мужика в определенной ситуации и соотношением со стратой своего помещика. Как правило, ложь рассматривалась крестьянами в качестве одного из важных факторов для получения определенных материальных или административно-вотчинных благ от помещика. Если барин проявлял некую доброту или снисхождение в данных случаях, то эти просьбы принимали массовый характер. Этнографы рубежа XIX-XX вв. отмечают незамысловатую схему в указанных случаях. Прейдя к помещику, крестьянин придумывал небылицы о своей тяжелой судьбе, после чего говорил: «А не пожалуете ли чего?». Помещики, нередко понимая, что просьбы основаны на лжи помогали крестьянам. О.П. Семенова-Тянь-Шанская в связи с этим прямо указывает: «Иван» ...убежден, что он ловко надул богатого человека» и способствовал тому, что богатые своим милосердием спасают свою душу²³.

Барин или управляющие по их указанию тоже прибегали ко лжи, когда нужно было выбить из крестьян сверх уже оплаченного оброка дополнительные суммы. Так, И.Д. Якушкин вспоминал: «В имении Анненкова, верстах в 3-х от меня, управляющий придумывал ежегодно какой-нибудь новый способ вымогательства с крестьян. Однажды он объявил им, что барыня их, живущая в курском своем имении, приказала прислать к себе несколько взрослых девок для обучения их коверному искусству; разумеется, крестьяне чтобы откупиться от такого налога, заплатили все, что только могли заплатить»²⁴. Подобной коман-

²¹ Там же, 51.

²² Ильин 2017, 136–137.

²³ Цит. по: Шнейдер 1908, 15

²⁴ Цит. по: Крепостное право и крестьянская жизнь 1911, 21.

ды от барыни, конечно, не было, это была ложь, но крестьяне не знали о данной манипуляции и откупились, сберегая своих дочерей. Помещики постоянно повышали управляющим планку доходов с имения и последним приходилось изворачиваться, при этом, не забывая свой интерес.

В рассматриваемой проблеме интересны суждения самих помещиков о честности и нравственности их крестьян. В письме к зятю, датированным 1859 г., ярославский помещик Н.П. Нефимонов, рассуждая о возможности использования крестьянского труда в его лесу, указывает: «Имение лесом дорого, а когда выведут лес – будет беда. Народ продувной, на всяком шагу стараются обмануть помещика»²⁵. Ложь и воровство всегда соседствуют рядом. Довольно примечательно и следующее наблюдение. «Несмотря на такую видимую пассивность и наружное признание вашего превосходства, в действительности мужик весьма редко согласится с вами; в первое время моего знакомства в нем я и не подозревал этого, думал, что когда он говорит свои «вестимо» и «знамо дело», то вполне искренне соглашается со мной. Следя внимательно за последствиями таких разговоров, я мало-по малу стал замечать, что это далеко не так, а в последствии и окончательно убедился, что в таких случаях словам мужика никогда верить не следует. Он вполне и безусловно согласится с вами, а сделает непременно по-своему, и, если, вы будете уличать его в этом, он или соврет вам что-нибудь, или отбоярится неопределенными восклицаниями, что мол, уж Господь его знает, от чего это так село»²⁶. Здесь явно присутствует сарказм, но барин глубоко убежден, что мужик все делает по-своему, хотя соглашается во всем с ним. Особенно это было характерно для пореформенного периода. Классовый антагонизм лежал в основе этого явления, но не без стремления к собственно выгоде.

Анализируя феномен массового вранья крестьян помещикам, встает вопрос почему они были уверены или почти уверены, что их ложь сработает. Вероятно, данная уверенность базировалась на крестьянских представлениях об отсутствии у бар какой-либо житейской, хозяйственной премудрости. В частности, «У крестьянина прочно сложилось какое-то в кровь въевшееся убеждение, что барин не понимает ровно ничего. Не понимает «житейского», не понимает того, что держит человека на земле, что заправляет его жизнью...»²⁷. К концу пореформенного периода современники отмечали: «Снова началось высказываться недружелюбное отношение мужика к барину, сгладившееся было в промежуток между освобождением крестьян до введения земских начальников. Барин по-прежнему стал считаться или бестолковым, но

²⁵ Хрущова 2006, 106.

²⁶ Тверской 1880, 549.

²⁷ Успенский 1908, 18.

могущественным самодуром, или же наивным простачком, которого надуть никакого греха нет»²⁸.

«Недружелюбное» отношение мужиков к барам было в большей или в меньшей степени на протяжении всего пореформенного периода. С.Т. Семенов своим наблюдением констатирует нарастание «недружелюбности» в период аграрного перенаселения и дефицита земли в центральных регионах России. Весь же резервный фонд земель находился у помещиков. Но нас здесь интересует то, что мужики не видели в помещиках рачительных хозяев, разбиравшихся в вопросах сельского хозяйства, доходивших до всего своим умом. Следовательно, барина как «бестокового простачка» можно было в данных вопросах «надуть». Именно хозяйственная направленность была основной сферой для крестьянской лжи и воровства в отношении помещиков.

Крестьяне не любили прижимистых и хозяйственных помещиков. Они не могли стать доступным объектом для обмана, а это могло сильно затруднить жизнь мужика. На барщине нельзя было бы работать спустя рукава; пришлось бы платить оброк и натуральные повинности в полном объеме; вряд ли можно было бы обманным путем выпросить себе что – либо; воровство, сопряженное с ложью, тоже было бы затруднительно. Ложь перестала бы быть инструментом получения определенных личных предпочтений для мужика.

В этой связи можно привести характерный пример. Курский барчук Сергей Туник из села Яблонова Корочанского уезда вспоминает как отнеслись крестьяне в начале XX в. к его стремлению познать ремесло землепашца: «Я рос в имении и по собственному желанию постепенно обучался всяким работам. Когда мне было семнадцать-восемнадцать лет, я умел делать все, что полагалось уметь каждому мужику; и это им не было по нраву. Не раз я подслушивал разговоры обо мне: «Ентот-то растеть и во все нос суеть, пахать и косить ужо магить. До всего сам доходить. Наукам всяким обучается. Гляди, выростить и через сколько годов нам на шею сядить. Яво уже не обманиш». Почти всегда это говорилось очень раздражительным тоном»²⁹.

Поэт А.А. Фет, приобретя имение Степановка на юге Мценского уезда Орловской губернии в зиму 1860-1861 г., познал все сложности контактов с крестьянами. Имение продавалось без крепостных крестьян. В целом относясь к русскому мужику с большим уважением, отмечая его хозяйственную смекалку, трудолюбие, желание прийти на помощь друг к другу, тем не менее, он приводит большое количество примеров из личной практики, когда его обманывали мужики. Поэт – помещик сталкивался с обманом крестьян при найме, когда, взяв задаток не выполняли весь объем заявленных работ или вообще уходили раньше срока договора. А.А. Фет дословно называл это «обычной ло-

²⁸ Семенов 1915, 93.

²⁹ Туник 2010, 41.

жью». То есть ложь в его взаимоотношениях с крестьянами при найме на определенные виды работ (рытье пруда, ледника, привоз дров из леса, поставка домашней птицы и т.д.) стала для него обыденностью, с которой он почти смирился³⁰. После первого сезона хозяйствования он пришел к выводу: «Никакой глаз присмотрщика не уследит за всеми злоупотреблениями, от которых нередко и производство окончательно погибнет в один час»³¹.

В ряде случаев крестьянская ложь помещикам была обусловлена простым желанием не умереть с голода. Обычно это происходило в нижних подгруппах мелкопоместных хозяйств, где владельцами были помещицы-вдовы. Они, как правило, вообще не разбирались в хозяйственных делах, и их немногочисленные крепостные крестьяне были вынуждены им врать, чтобы не исполнять их нелепые распоряжения. Вот, например, как крепостной мужик объяснял становому свое вранье и нежелание целовать ручку свое барыне: «А Макрина разве настоящая! Дурашка какая-то. Своей пользы, а нинишеньки не смыслит! Ежели нам с женкой слухать ейных распоряженьев, так ей с дочкой жрать нечего будет... да и мы с голоду подохнем»³². Здесь еще поражает презрительное отношение крестьянина к своей обнищавшей барыне.

Вранье крестьянина (крестьянки), даже ради шутки, могло привести к настоящей трагедии. Так, тульская дворянка Н.П. Ржевская в своих воспоминаниях описывает подобный случай: «Другая история была с помещиком Чапыгиным. Он сватался к какой-то Пашеньке, та от него руками и ногами. Но он был богат, а Пашенька была бедна. Родители уговаривали её, она не соглашалась, и была только одна дочь. Чапыгин сватался три или четыре раза. Наконец, она согласилась и вышла. У них родилась дочка. К ней, как водится, взяли кормилицу. Однажды Чапыгин: «Кормилица! Скажи, на кого похожа дочка?» Кормилица хотела пошутить и сказала: «Не на вас, ни на барыню, а на вашего соседа». Чапыгин промолчал, но принял это во внимание. Вечером он взял бритву и зарезал ребенка, потом жену, потом зарезался сам»³³. Может быть это и местная легенда, но Н.П. Ржевская приводит её в своих воспоминаниях.

Ложь как коммуникативный феномен в дискурсе манипулятивного общения крестьян с помещиками не была только инструментом для получения чего-либо, скрытия каких-либо проступков, отлынивания от работы или некачественного её выполнения, но и являлась, по меткому выражению крупного американского антрополога Джеймса Скотта одним из элементов «оружия слабых». Отдельной частью социального сопротивления он выделяет символическое или идеологическое

³⁰ Фет 2001, 75, 81–82, 90, 104.

³¹ Там же, 82.

³² Крепостное право и крестьянская жизнь 1911, 64.

³³ Ржевская 2010, 43.

сопротивление (сплетни, слухи, злословие, навешивание унижительных ярлыков, непочтение), как неотъемлемую часть классового сопротивления³⁴. Это позволяет сдерживать проявления гнева и агрессии к угнетателям и широко практиковать политику лицемерия и притворства, с тем чтобы завуалировать свое реальное сопротивление³⁵.

Заключение

Ложь как инструмент манипулятивного общения имела большое распространение в русской деревне дореформенного и пореформенного периодов. Крепостные крестьяне видели в ней удобный инструмент для получения себе определенных выгод материального или административно-вотчинного планов. Данный спектр начинался с обычного обмана при выпрашивании чего-либо у бар, когда придумывалась жалостливая история, заканчивая различными отговорками при выполнении каких-либо работ или других услуг помещикам. Проконтролировать это было довольно сложно, ведь ложь формулировалась таким образом, что быстро её проверить было нельзя или вообще затруднительно. Ведь крестьяне, в своей основе, были уверены, что помещики не разбираются в простых житейских и хозяйственных вопросах, а следовательно, их легко будет «надуть». С крестьянской точки зрения бары рождены для того, чтобы барствовать, а не вникать в разливные хозяйственные мелочи. Ложная информация формулировалась крестьянами с учётом стратификации их помещиков. В отдельных случаях, в первую очередь у мелкопоместных помещиков, вранье использовалось как инструмент для выживания.

С другой стороны, ложь выступала одним из инструментов «оружия слабых», когда под массой банального притворства, лицемерия и лукавства скрывалось реальное сопротивление (слухи, сплетни, навешивание ярлыков, отлынивание от своих обязанностей и т.д.). Эта форма сопротивления позволяла не проявлять открыто свою агрессию.

Библиография

- Байбурин, А.К. 1993. *Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов*. СПб.: Наука.
- Безгин, В.Б. 2017. *Мужицкая правда. Обычное право и суд русских крестьян*. М.: Common place.
- Даль, В.И. 1998. *Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т.* Т.2: И-О. М.: Русский язык.
- Ильин, Е.П. 2017. *Психология общения и межличностных отношений*. СПб.: Питер.
- Кошелев, А. 1871. В чем мы всего более нуждаемся? *Беседа* 8: 147–174.

³⁴ Скотт 1996, 31–32.

³⁵ Там же 50.

- Крепостное право и крестьянская жизнь*. Общедоступный сборник. В рассказах, стихах и воспоминаниях современников. 1911. Под ред. С.П. Мельгунова. М.: Типогр. Т-ва И.Д. Сытина.
- Мери-Хови (отшельник). 1882. *Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. (Русско-народная философия)*. СПб.: Губернская типография.
- Новик, Е.С. 1993. Структура сказочного трюка. *От мифа к литературе: сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского /сост. С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. Российский государственный гуманитарный университет. М.: Российский университет: 139–152.*
- Ожегов, С.И. 1990. *Словарь русского языка*. Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык.
- Поляков, И.А., Савинова, Е.Н. 2011. *Русская провинциальная усадьба XVII-начала XX века*. М.: Ломоносов.
- Русские народные сказки. Барин и мужик*. 1932. Под ред. Ю.М. Соколова. М. – Л.: АКАДЕМИА.
- Розанов, А.И. 1880. Сельский священник. Записки сельского священника. *Русская старина* 27: 39–78, 455–494.
- Семенов, С.Т. 1915. *Двадцать пять лет в деревне*. Петроград: тип. М. Стасюлевича.
- Семенова-Тян-Шанская, О.П. 2010. *Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний*. М.: Ломоносов.
- Скотт Дж. 1996. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян. *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник: 26–59*. М.: Аспект Пресс.
- Тверской, П. 1980. Издалека и вблизи. Деревенские очерки. *Вестник Европы* 5: 311–349, 549–556.
- Тунник, С.А. 2010. *Белогвардеец: воспоминания о моем прошлом*. М.: Русский путь.
- Успенский, Г. 1908. *Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 4*. СПб.: Издание Т-ва. Ф. Маркса.
- Фет, А.А. 2001. *Жизнь Степановки, или лирическое хозяйство*. М.: Новое литературное обозрение.
- Хок, С.Л. 1993. *Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии*. М.: Прогресс - Академия.
- Хрущова, А.Г. 2006. Воспоминания. В кн. *Воспоминания русских крестьян XVIII-первой половины XIX века*. 94–107. М.: новое литературное обозрение.
- Шнейдер, В.П. 1908. *Памяти Ольги Петровны Семеновой*. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича.
- Frank, S.P. 1999. *Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856-1914*. Berkeley, Los Angeles: London: University of California Press.

References

- Baiburin, A.K. 1993. *Ritual v traditsionnoi kul'ture: strukturno-semanticheskii analiz vostochno-slavianskikh obriadov [Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian).

- Bezgin, V.B. 2017. *Muzhitskaia pravda. Obychnoe pravo i sud russkikh krest'ian* [The peasant truth. Customary law and the Court of Russian peasants]. Moscow: Common place. (In Russian).
- Dal', V.I. 1998. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka v 4-kh t. T.2: I-O.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language in 4 vol. Vol. 2: I-O.]. Moscow: Russkii iazyk. (In Russian).
- Il'in, E.P. 2017. *Psikhologiia obshcheniia i mezhlchnostnykh otnoshenii* [Psychology of communication and interpersonal relations]. Saint Petersburg: Piter. (In Russian).
- Koshelev, A. 1871. V chem my vsego bolee nuzhdaemsia? [What do we need most of all?] *Beseda* 8: 147–174. (In Russian).
- Krepostnoe pravo i krest'ianskaia zhizn'. Obshchedostupnyi sbornik. V rasska-zakh, stikhakh i vospominaniakh sovremennikov* [Serfdom and peasant life. A public collection. In stories, poems and memoirs of contemporaries]. 1911. Ed. S.P. Mel'gunova. Moscow: Tipogr. T-va I.D. Sytina. (In Russian).
- Meri-Khovi (otshel'nik). 1882. *Sbornik poslovits, pogovorok, primet i proch.* (Russko-narodnaia filosofiia) [Collection of proverbs, sayings, signs, etc. (Russian-folk philosophy)]. Saint Petersburg: Gubernskaia tipografiia. (In Russian).
- Novik, E.S. 1993. *Struktura skazochnogo triuka* [The structure of a fabulous trick]. *Ot mifa k literature: sbor-nik v chest' semidesiatipiatletii Eleazara Moiseevicha Meletinskogo.* Ed. S.Iu. Nekliudov, E.S. Novik. *Rossiiskii gosudarstvennyi guma-nitarnyi universitet*: 139–152. Moscow: Rossiiskii universitet. (In Russian).
- Ozhegov, S.I. 1990. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian language]. Ed. N.Iu. Shvedova. Moscow: Russkii iazyk. (In Russian).
- Poliakov, I.A., Savinova, E.N. 2011. *Rusaskaia provintsial'naia usad'ba XVII-nachala XX veka* [Russian provincial manor of the XVII-early XX century]. Moscow: Lomonosov. (In Russian).
- Russkie narodnye skazki. Barin i muzhik* [Russian folk tales. A gentleman and a man]. 1932. Ed. Iu.M. Sokolov. Moscow – Leningrad: ACADEMIA. (In Russian).
- Rozanov, A.I. 1880. Sel'skii sviashchennik. Zapiski sel'skogo sviashchennika [The village priest. Notes of a village priest]. *Rus-skaia starina* 27: 39-78, 455-494. (In Russian).
- Semenov, S.T. 1915. *Dvadtsat' piat' let v derevne* [Twenty-five years in the country]. Petrograd: tip. M. Stasiulevicha. (In Russian).
- Semenova-Tian-Shanskaia, O.P. 2010. *Zhizn' «Ivana».* *Ocherki iz byta krest'ian odnoi iz chernozemnykh gubernii* [The life of "Ivan". Essays from the life of peasants of one of the Chernozem provinces]. Moscow: Lomonosov. (In Russian).
- Skott Dzh. 1996. Oruzhie slabykh: obydennye formy soprotivleniia krest'ian. Krest'ianovedenie [Weapons of the weak: everyday forms of peasant resistance]. *Teoriia. Istoriia. Sovremennost'.* *Ezhegodnik*: 26–59. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).
- Tverskoi, P. 1980. *Izdaleka i vblizi. Derevenskie ocherki* [From far and near. Village essays]. *Vestnik Evropy* 5: 311-349, 549-556. (In Russian).
- Tunik, S.A. 2010. *Belogardeets: vospominaniia o moem proshlom* [The White Guard: memories of my past]. Moscow: Russkii put'. (In Russian).
- Uspenskii, G. 1908. *Polnoe sobranie sochinenii* [The complete works]: in 6 vols. Vol. 4. Saint Petersburg: Izdanie T-va. F. Marksa. (In Russian).

- Fet, A.A. 2001. *Zhizn' Stepanovki, ili liricheskoe khoziaistvo [The life of Stepanovka, or lyrical economy]*. Moscow: Novoe lite-raturnoe obozrenie. (In Russian).
- Khok, S.L. 1993. *Krepostnoe pravo i sotsial'nyi kontrol' v Rossii: Petrovskoe, selo Tambovskoi gubernii [Serfdom and social control in Russia: Petrovskoye, a village in the Tambov province]*. Moscow: Progress - Akademiia. (In Russian).
- Khrushchova, A.G. 2006. Vospominaniia [Memories.]. V kn. *Vospominaniia russkikh krest'ian XVIII-pervoi poloviny XIX veka [Memoirs of Russian peasants of the XVIII-first half of the XIX century]*: 94–107. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Shneider, V.P. 1908. *Pamiati Ol'gi Petrovny Semenovoi [In memory of Olga Petrovna Semenova]*. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasiulevicha. (In Russian).
- Frank, S.P. 1999. *Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856-1914*. Berkeley, Los Angeles: London: University of California Press.

Об авторах

Шаповалов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия. ORCID: 0000-0003-1699-1956.

Истомина Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия. ORCID: 0000-0001-5989-1061.

About the authors

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Record Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. ORCID: 0000-0003-1699-1956.

Irina V. Istomina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. ORCID: 0000-0001-5989-1061.

Поступила в редакцию: 21.02.2023
Принята к публикации: 06.03.2023

Submitted: February 21, 2023
Accepted: March 6, 2023